

**Алексей
ЯШИН**

г. Тула

На пирсе тихо в час ночной.
Тебе известно лишь одной,
Когда усталая подлодка
Из глубины идет домой...

Из песни «Усталая подлодка»
(стихи С. Гребенщикова, Н. Добронравова,
музыка А. Пахмутовой)

За кулисами

рассказ

Николай Андреянович в морозный воскресный день декабря от души погулял в парке — благо, вход в него в минуте ходьбы от дома. Посмотрел на уток в зооуголке, сбившихся в серую толпу на незамерзающей, подогреваемой водопроводной водой из шланга полынье, вовсе с содроганием понаблюдав за подледными рыбаками, тоже густо обсевшими свои лунки на среднем и нижнем прудах. Жалея от всей души, что в новейшие времена знаменитую на весь город парковую стекляшку-забегаловку «Снежинка» уже несколько лет как приватизировали и переквалифицировали под стриптиз-бар, Николай Андреянович мысленно взгрустнул: теперь некуда зайти после освежающей прогулки, со вкусом выпить стопку водки, перекинуться парой слов с непременно встретившимися там же знакомыми, а домой явиться уже не цуциком замерзшим, а этаким розовощеким молодцем. Эх, времена нынче...

Уже смеркалось.

Однако поздний домашний обед подвинул к благодущию: стриптиз так стриптиз — по просьбе, так сказать, трудящихся бизнеса. С часок подремал, а потом уселся за свой рабочий столик, место для которого и полки с оперативного пользования книгами с трудом отвоевал в углу комнаты перед окном с балконной дверью. Занялся своим очередным изобретением — на службе времени на эти дела не оставалось.

Справа раздражающе хрюкал, визжал, порой орал телевизор, который урывками между приготовлением котлет смотрела с увлечением жена. Впрочем, когда звук становился совсем уж громким, выходил из своей комна-

ты сын и приглушал. Все же боковым зрением Николай Андреянович отмечал помимо воли и желания происходящее на экране: все то же самое, осточертевшее. Америкосы заканчивают свой кровавый спектакль в Афганистане, российские генералы в своих высоченных картузах чуть не взасос целуются-милуются с натовцами, какой-то очередной министр по части экономики со странно звучащей фамилией требует равняться на Европу: там, дескать, население за энергоносители платит в шесть раз больше. Только забывает, малопомытный, что и зарплата у них и не в шесть, а в сто раз больше! Тыфу!

С кухни завлекательно пахло свежеподжаренными котлетами. Скоро и ужинать. Видно, и жене наскучило слушать и смотреть про нерушимую отныне и навек нежную любовь двух великих народов: очень великого американского и несколько менее великого российского, и она переключила на другую программу.

В этот момент Николай Андреянович вышел в санузел покурить, одновременно ломая голову, как обосновать в своем изобретении, что изменение форм стабилизаторов не скажется на траекторных характеристиках ракеты.

Решение все никак не приходило, потому изобретатель на какое-то время впал в хандру и скепсис: «И зачем я все изобретаю и изобретаю? Вон Серега Зябликов на что выдающийся по этой части инженер был, а на все плюнул, в бизнес этот самый пошел, весь день телевизор смотрит, ругает нынешнюю жизнь и портвейн пьет, по революционным праздникам — коньяк.

Жена, расположившаяся по причине готовности котлет перед телевизором, встретила его словами: «Смотри, за четверть века ни капельки не изменилась!» На экране за роялем сидела Александра Пахмутова, играла свою новую мелодию. «Не четверть века, а тридцать пять лет она одинаково выглядит», — пробормотал Николай Андреянович, наконец-то придумавший обоснование своей технической идеи. Однако с интересом посмотрел на экран, вспомнил давнее, теплое.

* * *

Николка, несмотря на свое дикое маячное детство, в школьно-интернатской среде вовсе не был человеком замкнутым — напротив, очень даже общительным, изобретательным шалуном в меру. Однако все же воспитанная веками в его предках старообрядческая традиция отстранения от того, что в наше время называется «общественной деятельностью», зримо жила в школьнике второй ступени. Поэтому Николка очень озадачился, когда его, ничем особым не примечательного девятиклассника, ближе к концу второй же четверти, а точнее в начале опять же второй декады декабря месяца (в новейшие постсоветские времена это бы называлось «между Ханукой и Байрамом»), через посыльного юного пионера вызвала к себе в крохотный кабинетик старшая пионервожатая Ирина Сергеевна и с порога огорошила: ушел из школы Николаев из 10 б — его отца перевели на Черноморский флот, и появилась вакансия заведующего школьным радиоузелом.

Николка, ожидавший чего угодно, только не подобного начала разговора, примерно сообразил, что означает малознакомое слово, на которые Ирина была большая охотница. Припомнил, что и радиоузел, чаще ребятами и учителями называемый по-военному радиорубкой, по сложной должностной расцеховке входит в сферу забот старшей пионервожатой, «в миру» — учителя литературы в средних классах.

— ...Так вот, руководство школы рекомендовало тебя. Сама Мария Ивановна о тебе хорошего мнения. Алексей Васильевич говорит, что в радиоделе ты хорошо понимаешь.

По глазам вечно озабоченной своими хлопотными обязанностями Ирины Сергеевны было видно: не отвертись, голубчик! Тут и Николке все стало ясно-понятно. Недавно ставшая новым директором школы Мария Ивановна хорошо его знала по урокам русского и литературы начиная с пятого класса, она всегда отмечала изустно прилежание устойчивого «хорошиста». Отличникам она вполне справедливо не доверяла — житейский

опыт! А Алексей Васильевич вёл у них радиодело. С девятого класса началось производственное обучение — великий эксперимент времен Никиты Сергеевича. Николка выбрал специальность радиотелеграфиста, поскольку с шестого класса уже «дружил» с паяльником и радиосхемами, потому был сразу отмечен зорким мичманом-педагогом.

Хотя предложение было совершенно неожиданным, Николка, собрав мысли и доводы, выделил два противоборствующих момента: с одной стороны, дополнительные хлопоты вовсе ни к чему, с другой?.. С другой — дело представлялось не таким уж и мрачным. Надо сказать, будучи наследником духа все тех же старообрядцев, Николка с детства мечтал о своем угле, где он был бы единоличным хозяином. А до сих пор получалось так, что этого-то угла он и не имел. До шестого класса включительно, когда семья жила на маяке, а Николка в интернате, и помыслить о подобном нельзя. И теперь, когда переехали в Полярный, в тесноте маленького домика Николка делил крохотную спаленку с двумя меньшими братишками. А тут — радиорубка с двумя помещениями, соединенными занимательным коридором-лестницей, с отдельным входом, со своим ключом... Словом, Николка согласился.

— Вот и замечательно, — обрадовалась Ирина Сергеевна, приписав успех дела исключительно своим педагогическим способностям. — Подходи после третьего урока к радиоузелу. Я освобожусь и все тебе покажу. А пока подумай о помощнике — положено по штату и по технике безопасности. Да-а, надеюсь, что ты не куришь? И курильщиков к себе не пускай!

Помощником Николка не раздумывая взял дружка и одноклассника Сашку Белозерова, с которым вот уже второй учебный год обслуживал хозяйство радиорубки. Утром он открывал личным ключом дверь, отведя плотную звукогасящую портьеру, входил в аппаратную — комнатку без окон — и включал студийный усилитель и приемник «Казахстан», тоже профессиональный, находил музыкальную программу и перед общешкольной линейкой с пя-

ток минут транслировал на все три этажа и пристройку для младших классов лихие песни и марши оптимистичных шестидесятых годов. Затем за портьеру входила старшая пионервожатая или дежурная в этот день по школе учительница, нередко — завуч или сама Мария Ивановна, в зависимости от категории проводимой линейки. Николка переключал усилитель на микрофон.

Другая часть должностных обязанностей Николки и Сашки относилась к озвучиванию всех школьных вечеров и торжеств, происходивших в актовом зале. Поэтому вторая комната, просторная и с большим окном, располагалась на полтора метра выше уровня пола этажа; от входной двери, мимо портьеры аппаратной, в нее нужно было подниматься по крутой лесенке. В стене, отделявшей комнату от зала, имелась пара отверстий, через которые крутили картины. Кинопроектор был автономным от Николки, а в роли киномеханика выступал учитель труда. Правда, своего ключа от владений Николки у него не имелось.

Музыку на субботние и праздничные танцы Николка давал от проигрывателя и магнитофона «Комета». Имелась и вторая «Комета», считавшаяся хронически неисправной, но Сашка Белозеров как-то привел одного подчиненного своего отца — матроса-радииста с техникумовским образованием по специальности — и тот за вечер вернул его в строй действующих. Николка с Сашкой поочередно брали его к себе домой.

Войдя в роль ответственного за музыку на школьных танцах, а также на музыкальных лекториях, что раз-два в месяц проводили в актовом зале для старшеклассников, Николка еще раз проверил на себе великую правоту пословицы: что бог ни делает — делает к лучшему. А именно общественное поручение заставило его, склонного сызмальства к философствованию, задуматься о сущности музыки, в частности, музыки современной. Анализировал он содержание грампластинок и магнитофонных записей, что входили в репертуар танцевечеров, но многое давали и беседы с Сашкой Белозеровым, окончившим детскую музыкальную школу.

Беседы свои они вели после уроков, всю пользуясь невиданной привилегией иметь свое «хозяйство» в строгих школьных стенах. Вообще говоря, для ребят заполярного города с его полугодовой северной ночью, да еще и учитывая оптимистические шестидесятые годы, школа была не только и не столько официальным местом; она же была их клубом. Теплом почти что домашним веяло в стенах здания еще довоенной постройки. По всей видимости, тем же она была и для большинства учителей — то бишь учительниц, как правило, жен офицеров-моряков, которые постоянно и подолгу отсутствовали дома, находясь в дальних походах, на учениях-маневрах, в длительных командировках на другие флоты страны. Флоты в те времена были действующими, корабли у пирсов не застайвались до ржавчины.

Может, учительниц, бывших ленинградок, и пугала отчужденность и пустота — без мужей — казенных квартир, потому они и проводили в школе целый день, благо и собственные дети здесь же под рукой: на уроках, в кружках, на ближнем катке, на лыжах на ближней горке...

Купив в школьном буфете бутербродов с колбасой и пирожков с повидлом, Николка со своим замом запирался в радиоапартаментах. Ребята заваривали в чайнике на электроплитке чай. Сняв пиджаки, они облачались во фраки (в этой же комнате в большом шкафу хранился реквизит школьного театра), затем располагались около журнального столика с бутербродами и свежей заварки чаем в покойных креслах из того же реквизита, включали магнитофон со свежими записями, ранее сделанными от приемника в аппаратной или взятыми на время у одноклассников-меломанов.

После пары стаканов чая наступало умиротворение: желудки уже не урчали, дисциплинарная настороженность уроков исчезала, в окно через узоры изморози синел зимний полдень, через киношные окошки из зала доносились, вовсе и не смешиваясь с музыкой магнитофона, негромкие голоса: «театралы» репетировали новую пьесу; предыдущий их «Ревизор» имел шумный успех и даже попал во всесоюзную прессу.

Музыкальные вкусы того времени и для возраста Николки, и Сашки Белозерова можно определить как конец эпохи Миллера с его «Серенадой Солнечной долины» и начала царства битлов. Кстати, достаточно хорошо чувствуя музыку, но не имея голоса, Николка с большим интересом слушал в свое время историко-музыкальные уроки Ольги Викторовны — главной в школе преподавательницы пения, которая даже не музучилище окончила, а консерваторию в Ленинграде по музыковедению. А в старших классах и вовсе с удовольствием ходил на музыкально-театральный лекторий ученой музыкантши. Вот и беседуя по теме современной американской музыки, она обратила внимание на отдаленное следование тем же Гленном Миллером русской традиции в композиции и оркестровке. Заинтриговав ребят, с торжеством пояснила, что Миллер и Джордж Гершвин были учениками русского консерваторского профессора, уехавшего в двадцатых годах в Америку.

Впрочем, битлов, равно как и Высоцкого, слушали только «для себя» с записанных-перезаписанных магнитофонных лент и рентгеновских «ребрышек». Отдельные фрагменты мелодий «Порги и Бесс» Гершвина наигрывала кружковцам на школьном фортепиано Ольга Викторовна, когда приходила в наилучшее расположение духа, а также одноклассница Люда, которая не только окончила музыкалку, но и сама уже вела группу в Доме офицеров, то есть профессионально работала, набирая, как она объяснила, трудовой стаж для поступления в консерваторию после окончания школы.

На танцах по субботам народ требовал Ларису Мондрус (тогда еще не уехавшую в Израиль) и — гвоздь сезона — американскую «Шестнадцать тонн»; свирепствовал шейк, только-только сменивший чарльстон во втором пришествии.

Иногда, когда дежурная учительница, устав бдительно позевывая, уходила в директорский кабинет, расшалившийся к концу танцев Николка ставил «ребрышки» с «Yesterday» Пола Маккартни и — для всеобщей потехи — с официально изданной пластинки занимательную

песенку в исполнении Эмиля Горовца, начинавшуюся словами: «Из Европы, путь проделав длинный, к нам в Нью-Йорк приехала кузина». Далее Горовец проникновенным голосом распевал, как к кузине сватался весь Брайтон-Бич, но итог для нее оказался печальным: «Подвернулся ей жених некстати, все ее приданое истратил. ...Говорят, жених-то был женатый, говорят, что пятеро детей». На этикетке грампластинки имелся подзаголовок: «Народная еврейская песня».

А по радио, по телевизору в то время звучали бодрые, волнующие душу неясными устремлениями песни Пахмутовой. Они-то Николке больше всего нравились. Что же касается все расширяющегося психоза битлов, то уже в более зрелом возрасте, вовсе не опираясь на разъяснения агитпропа, но только на собственное восприятие и анализ последствий битломании, Николай Андреянович пришел к выводу: если бы ливерпульской четверки не было, то ее следовало выдумать — придумать тем, кто совершил великую диверсию против человечества, с помощью (хотя бы и невольной) «жучков» свернув массовую и отчасти элитарную музыкальную культуру с магистрального пути мелодичности и гармонии на голый ритм, то есть повернув ее вспять, к доисторическим тамтам, негритянским пляскам и ночным воплям джунглей.

Когда, выпив рюмку-другую под благодушную закуску, Николай Андреянович излагал свою теорию-приговор друзьям-приятелям или сослуживцам — из числа тех, кто поумнее, — то те, поначалу усмехаясь, недоумевали или откровенно обижались за кумиров всего мира, но, поразмыслив, в основном соглашались. А случалось, собеседницами оказывались такие девушки-женщины, которые, широко распахнув накрашенные глаза, чего-то пугались и переводили разговор на служебное или житейское.

Надо сказать, что с началом десятого класса забот у Николки прибавилось, и весьма значительно. Как всегда в этот период истории страны, виновен в том был Никита Сергеевич, как ранее виновен был в Карибском

кризисе (так злые языки утверждали) и особенно в сокращении Советской армии на миллион двести тысяч военнослужащих. Их города, главным образом — военного, то и другое коснулось чувствительно. В Карибский кризис весь Северный флот, включая вспомогательные посудины, ушел в сторону Острова Свободы, поэтому жены и дети моряков, то есть почти все учителя и ученики школ, целый месяц волновались. Но сокращение армии и флота — (последнего — в меньшей степени) — стало ударом ниже пояса: многие ребята и даже учительницы навсегда покинули Полярный вслед за уволенными с неполной пенсией отцами и мужьями. Но разве понять и осознать было неразумным школярам, что означало сокращение для тех каперангов и полковников, на которых уже были в штабах флотов и военных округов заготовлены проекты приказов о присвоении адмиральских и генеральских званий? Ведь генерал в России (в СССР тоже) — это не звание, а счастье, — так сказал в новейшие времена герой одного фильма из бандитской жизни.

Но вот неугомонный сеятель маиса от Калининграда до Камчатки добрался и до Николки и его однокашников: было объявлено в завуалированной форме, что эксперимент с одиннадцатилетним сроком обучения не удался, а система образования возвращается к проверенной временами десятилетке. Самое паскудное, что в следующем, выпускном для Николки и его товарищей учебном году ожидается двойной выпуск: и одиннадцатиклассник Николка, и стоящие рангом намного ниже десятиклассники — все получают аттестат одновременно. А это значит, что конкурсы в институты-университеты, без того немалые в середине шестидесятых годов, возрастут вдвое. Было о чем задуматься выпускникам и их родителям. В первую очередь, конечно, ребятам, ибо в те времена выпускники сами поступали в вузы, а не родители их «поступали», как сейчас говорят.

Хотя Николка учился хорошо, почти отлично, а по литературе, немецкому языку и химии, которую очень не любил, и вовсе шел

по школьному первому номеру, но, будучи истинным провинциалом из Заполярья, сильно мандражировал, тем более что тогда лелеял мысль о престижнейшем МФТИ: очень его интересовали тайны атомного ядра, а еще более — атомной бомбы, которой Никита Сергеевич обещал империалистам кузькину мать показать.

Выход из ситуации подсказал Николке отец. После переезда семьи с маяка в Полярный Андреян устроился работать старшим электриком по маячной специальности в Дом офицеров флота. Вот он и завел как-то разговор с сыном: дескать, твоя одноклассница Люда уже второй год по музыке у нас работает, стаж зарабатывает. А кто имеет не менее двух лет трудового стажа, того в любой институт помимо конкурса принимают. А вот и кстати его подчиненный, электрик Генка, увольняется. Мол, и тебе же паспорт в мае получать. Разговор этот происходил в конце учебы Николки в девятом классе. Отец тогда предложил: «Давай поговорю с полковником Зинченко, начальником ДОФа. А работать будешь во вторую смену, с четырех часов. Придешь из школы, переоденешься, пообедаешь, а уроки на работе сделаешь — там тебе нужно-то будет только сцену освещать на концертах да лампочку-другую сменить, пройдясь по этажам. Все остальное — за мной. Подумай».

Николка особо и не думал, потому согласился и уже с середины летних каникул между девятым и десятым классом влился в ряды пролетариев. Первая в его жизни работа оказалась настолько занимательной, что... Впрочем, эта тема отдельного повествования.

Итак, русский человек неприхотлив и счастлив врожденным умением из всякой доки и обязаловки делать себе и окружающим приятность; истинно, переиначивая пословицу: что немцу — смерть, то русскому — удовольствие.

Службу в Доме офицеров Николка начал с «трудового подвига»: обнаружил при досмотре в коридоре, ведущем в котельную, полузалитый водой потолочный плафон. Притащил лестницу и стал этот плафон снимать, а тут

его заметил сам полковник Зинченко, проходивший по своим делам на траверсе котельного коридора. Поинтересовался у нового работника, а тот красочно расписал возможные последствия короткого замыкания, если бы вода достигла уровня патрона лампочки. Полковник Зинченко восхитился; с того момента Николка получил статус «серьезного и вдумчивого работника», а в его трудовой — совсем еще новенькой книжке — появилась и первая запись в разделе поощрений. Поскольку запись диктовал кадровичке в приказ непосредственный начальник Николки — завхоз ДОФа (со слов полковника Зинченко), человек незамысловатый, но очень любивший употреблять официальные слова, да еще вдобавок и в легком подпитии, то Николка, читая врученную ему кадровичкой копию приказа, даже слегка оробел: по своему содержанию и стилю исполнения приказ соответствовал представлению на боевой орден.

Однако через неделю Николка впал в конфуз. Приехала с «концертом памяти» уже тогда престарелая кинозвезда Нина Дорда. Николка, стоя на лестнице на сцене, менял сгоревшую трехсотваттную лампу в верхнем софите, а прямо под ним у рояля перебирала с аккомпаниатором ноты сама Дорда. Менять лампу в верхнем софите — дело очень неловкое, поэтому неудивительно, что вывернутая перегоревшая лампа выскользнула из руки и упала прямо на голову кинозвезды. Та отделалась легким испугом, ибо на голове у нее был пышный шиньон по моде тех лет. Дорда, еще раньше отметившая молодость электрика, нестрого погрозила пальчиком, но на всякий случай, пока Николка возился с софитом, отошла подальше.

Принимая Николку на работу, кадровичка провела с ним инструктаж, особо оговаривая, что ДОФ — это военная часть со всеми вытекающими отсюда обязанностями, и дала ему подписать заполненный типографский бланк, называвшийся «Торжественное клятвенное обязательство». На словах же пояснила, что ему придется обслуживать не только оперы и концерты гастролеров, но и большие собрания флотских соединений с присутстви-

ем командования флота. Там говорится иногда то, что всей школе и городу знать не положено. «Уши тебе затыкать, конечно, не следует, но услышанное держи при себе, в чем ты и дал сейчас расписку», — напутствовала его добрая кадровичка на «трудовой подвиг» в военно-морском учреждении.

И действительно, как в воду глядела добрейшая Варвара Степановна. Не проработал Николка в ДОФе и трех месяцев, как однажды в начале октября, придя на работу, Николка был удивлен обилием высоких морских чинов, молча прохаживавшихся по бесконечным коридорам учреждения. А на входе стояли два матроса с дежурными повязками на рукавах бушлата. Они было загородили пацану вход, но из окошка караулки высунулась голова Натальи Васильевны — комендантши на правах охранницы и смотрительницы за внутренним порядком:

— Ребята, это наш. Пропустите.

Уже в своих владениях под сценой Николку навестил незнакомый каплей, не из дофовских, с погонями политработника, поинтересовался именем и фамилией юного электрика и порекомендовал никого из посторонних, друзей и прочих к себе в электробудку, а тем более в оркестровую яму не впускать. С тем и ушел.

Понятно, что после таких строгостей Николка, включив верхний свет в зале и на сцене, не остался в уютной своей электробудке делать уроки, а все долгое собрание офицерского состава всех эскадр, базировавшихся в Полярном и в окрестных точках, просидел в оркестровой яме, правда, заперев входную дверь изнутри на ключ.

Экстренное собрание, как сразу сообщил председательствующий адмирал, вызвано «известными изменениями в руководстве страны». Понятно, что Николка еще утром, собираясь в школу, слышал по радио об уходе Никиты Сергеевича со всех своих постов по состоянию здоровья — «на пенсию всесоюзного значения». В школе тоже никто не комментировал, да это и не принято было.

Однако адмирала, затем заместителя на-

чальника политуправления Северного флота и еще некоторых выступавших Николка слушал с открытым ртом. Говорили о сложной внешнеполитической ситуации, с которой генсек не справлялся, о его волюнтаризме (чуть позднее в школьные учебники истории и обществоведения к волюнтаризму добавили таинственный «пробабилизм»), крупно мстили свергнутому за главную боль армии — знаменитое и достопамятное сокращение миллиона двухсот тысяч человек. Осторожно хвалили вновь избранного генсека Леонида Ильича Брежнева — боевого офицера, хорошо себя проявившего на высоких хозяйственных и партийных постах. Каждый из выступавших в заключение рекомендовал командирам и политработникам провести основательные собеседования с младшим офицерским составом, старшинами, мичманами и матросами.

Собрание закончилось. Николка выключил свет в зале и на сцене, оставив только боковые дежурные плафоны. Его заботы о сложном электрохозяйстве Дома офицеров на сегодня закончились; семичасовой вечерний фильм в зале обслуживал киномеханик — в его рубке имелась параллельная сеть включения-выключения света в зале. Расположившись в своей уютной электробудке, Николка съел домашний пирожок, внимательно выслушал в последних известиях сообщения о событии номер один за последние дни — (Хрущева он относил ко второму номеру) — успешно продолжающемуся околоземном полете космического корабля «Восход» сразу с тремя космонавтами на борту.

Всё узнав на собрании, Николка уже и не слушал скудного, с утра повторяющегося сообщения диктора о внеочередном пленуме ЦК КПСС и появлении в стране нового персонального пенсионера. Он усмехнулся: знаем, мол, какой такой пенсионер! Собрался было Николка взяться за уроки, но тут из экономно темного коридора, что сложными ходами выводил из-под сцены в малый холл ДОФа, осторожно выступили и заглянули в приоткрытую дверь электробудки два капитана второго ранга. Предупредительно кашлянув, один из них поинтересовался, сославшись на знаком-

ство с Андреяном Матвеевичем, не очень ли они помешают, если разопьют бутылочку в электробудке. Николка радушно показал на стол с графином с водой и стаканами, сам пересел с учебником на диванчик.

Офицеры опасливо покосились на дверь, но Николка заверил, что никого не ждет, а начальство Дома офицеров уже дома ужинает.

Судя по тому, что кавторанги нарушали строжайший в зоне дислокации флота сухой закон с использованием «зубровки», Николка мигом сообразил, что спиртным подторговывает кладовщица буфета Зина. Именно ящик с такой вот «зубровкой» он заприметил давеча в кладовой, где Зина попросила заменить перегоревшую лампочку.

Расслабившись, офицеры с разрешения хозяина закурили, начали обмениваться впечатлениями на злобу дня. Отметили, что «Никиту пас в Пицунде сам двадцать седьмой бакинский комиссар Микоян», говорили о все возрастающей роли Михаила Андреевича Суслова, странном поведении во всем этом деле минобороны Малиновского. А Семичастный?..

Николка с его ясной юной памятью припомнил читанное в газетах: в ноябре готовился пленум ЦК, где должна была обсуждаться новая Конституция СССР. Какая-то мысль на этот счет вертелась в его голове, но воспитание не позволяло вступить в беседу со взрослыми.

К концу бутылки капитаны сошлись на том, что предательство безнаказанно не проходит: Хрущев предал дело Сталина и его соратников, а за это и его самого предали. С этим офицеры встали, поблагодарили Николку и ушли в темноту коридора. В зале началось кино, которое Николка уже смотрел, потому он взялся за физику с алгеброй.

Убей бог, но Николай Андреевич, как ни силился, за давностью лет никак не мог вспомнить. Было ли это еще в десятом классе или уже в одиннадцатом, когда по вечерам, включая рабочую в то время субботу, он уже не мог обслуживать школьные танцы, перепоручая это дело Сашке Белозерову? Но не в

этом суть, ибо дело происходило днем, когда он был полным и ответственным хозяином школьного радиоузла.

В тот день, кстати говоря, раннеосенний... Нет, значит, это все же был десятый класс. Итак, в этот день Николка собирался после уроков сразу идти домой, поскольку Сашка Белозеров составить ему компанию в послеурочной сиесте в радиоузле не мог, ибо вообще второй день не появлялся в школе по причине температурной простуды. Опять же никаких мероприятий в этот день, связанных с озвучиванием, не предвиделось. Однако в свою «квартиру» все же зашел — забрать домой пару магнитофонных катушек: в этот месяц отремонтированная «Комета» находилась у него.

— Вот хорошо, что застала тебя, — Николка вздрогнул от голоса бесшумно вошедшей Ирины Сергеевны. — А я боялась, уйдешь домой! Слушай, Коля, директору позвонили: через полчаса у нас будут Пахмутова с Добронравовым. Они сегодня на подводной лодке с нашей базы в море выходили. Ну-у, не в море, а так — по заливу прошлись, а сейчас им рояль нужен. Как назло, в ДОФ настройщика из Мурманска привезли, ремонт тамошнему инструменту задает, вот к нам и обратились. Ты жди, свет им включишь, может, магнитофон понадобится... Я не знаю, но Мария Ивановна просила, чтобы ты остался.

Оставшись один, Николка заволновался по нескольким причинам. Во-первых, боялся, что именитые гости, как люди творческие и увлекающиеся, облюбуют рояль надолго, а он может опоздать на работу в ДОФ. (Вот теперь Николай Андреевич точно вспомнил: дело было в десятом классе.) Во-вторых, все дело в той же именитости — Николка заранее оробел. Конечно, пусть за небольшое, но время работ кой-кого из известных артистов и прочих людей творческих профессий он повидал, по привычке: та же Дорда, которой он лампочку на голову уронил; популярный в школьной среде поэт Андрей Вознесенский, приезжавший на литературные гастроли, заходил к нему в электробудку в неизменном своем шарфике на шее (он уже ранее в ней бывал — в прошлый приезд), спрашивал Андреяна, а по-

том попросил разрешения воспользоваться стаканом — налил в него из плоской бутылочки коньяка, выпил, пояснил: приходится, дескать, в медицинских целях, чтоб сгладить остатки заикания. Многие в электробудку к Николке за время его работы заходили: ближайшее к сцене помещение, а потом для людей театральных электрик — самый доверенный человек. Это у них в обиходе.

Однако в ДОФе Николка был членом коллектива — значит, на службе, приезжие знаменитости и не совсем — тоже. А здесь он как бы будет представлять лицо школы, один на один с ними остается. Было Николке от чего разволноваться.

И третий момент его волновал: если придется к гостям обращаться — как их отчества? Действительно, на радио и телевидении, как принято в отношении творческих людей, их называли только по именам: Александра Пахмутова и Николай Добронравов. Покопавшись в памяти, Николка неуверенно вспомнил, что Пахмутова — Александра Николаевна, а вот Добронравов так для него и остался без отчества.

Минут через двадцать из актового зала донесли голоса, Николка прильнул к окошку: на входе в зал стояла хорошо знакомая по телеэкрану очень маленького роста женщина — Пахмутова, полноватый мужчина явно был Добронравовым. Они разговаривали с Марией Ивановной, а старшая пионервожатая показывала рукой на противоположный конец зала, где на сцене, полуприкрытый занавесом, стоял рояль. Продолжая беседовать, вся группа двинулась к сцене. Ирина Сергеевна отодвинула занавес, включила свет на сцене, хотя в зале было светлым-светло. Пододвинув стулья к роялю, гости уселись. Николка рассмотрел, что Добронравов вынул из-за пазухи пиджака узкий и длинный блокнот. Директорша и Ирина пошли на выход. Через минуту-другую пионервожатая зашла к Николке:

— Магнитофон им не нужен. Зал я потом сама закрою. Так что можешь быть свободен, а хочешь — послушай, ведь они сейчас будут музыку к новой песне подбирать — по впечатлениям от плаванья на подлодке. Добронра-

вов сказал, что стихи к песне он начерно еще на лодке записал. Так что будешь первым слушателем! Я бы и сама здесь осталась, да Мария Ивановна, как назло, малый педсовет в два часа собирает. Ну, я пошла. Счастливого оставаться.

Николка подуспокоился, сердце чувствительное послушалось и тоже забилося пореже. Он присел на высокий треногий стул кинемеханика — с него можно смотреть через окошко, не задирая голову и не вытягивая шею. Занятия второй смены начались, потому в школе стояла тишина, а акустика актового зала позволяла Николке хорошо слышать не только звуки рояля, но и звонкий голос Пахмутовой, даже отдельные тихие слова Добронравова различал.

Закончив разбираться с записями в блокноте, причем Добронравов активно чиркал в нем, оба развернули стулья к роялю: Пахмутова — по центру, Добронравов — сбоку. Прозвучала долгая первая нота. Затихло. Затем прозвучала вторая — тоном пониже, потом еще одна — повыше первой. «Как артиллеристы цель нащупывают, — подумал Николка, — недолет, перелет и цель!»

После паузы и обмена короткими репликами прозвучала в выбранной тональности уже фраза, хотя и короткая. Полуречитативом Александра Николаевна протянула: «На пирсе ти-и-хо...» Эту музыкальную фразу, сопровождаемую текстом, она повторила раз пять. Затем фраза и текст удлинились: «На пирсе ти-ихо в час ночной...» И опять несколько повторов, с каждым из которых музыка принимала все более и более законченный вид.

Как музыкально не просвещенный школьник понимал, что она приобретает именно законченную форму? Этого Николка объяснить не мог, но понимал. Далеко не все в музыке можно пояснить словами. Когда уже шибко взрослый Николай Андреянович прочитал основной труд Шопенгауэра, то раздел «Мира как воли и представления» о сущности музыки потряс его и привел в полный восторг. И, читая староизданный том, он сразу вспомнил то первое юношеское сопричастие к твор-

честву в музыке. Но это все сначала в светлом советском, а потом и вовсе в темном демократическом будущем...

Меж тем песня приобретала законченную форму. Как тотчас сообразил Николка, эмоционально-смысловым центром произведения являлась строка: «Когда усталая подлодка из глубины идет домой». Николка прикрыл глаза, представил спокойную гладь прибрежного моря, отсвечивающего неяркие лучи летнего незаходящего солнца, огромным багровым шаром зависшего над горизонтом, где это тихое море сливается с небом. Тишина, покой и нежаркое солнце. Николка с веранды маячного дома смотрит прямо на солнце, а справа и слева от багрового шара — крутые скалистые берега, выпускающие Кольский залив в море.

Но вот Николка уловил далекий колотящий звук, а напрягши зрение, увидел, как на входе в залив появилась серая точка — всплыла подводная лодка, возвращающаяся из дальнего похода, а колотящий звук — это включенные на всплытии дизеля. Время ускорилося — и вот уже подлодка, бокастая, атомная, напичканная крылатыми ракетами, проплывает мимо острова с опершимся на перила веранды Николкой — усталая, проводившая два-три месяца под водой океана. А на мостике рубки сменяют друг друга моряки: поглядеть на забытый свет, в лихорадочной торопливости выкурить забытую уже сигарету — и уступить место такому же страждущему товарищу, «годку» по-флотски.

А дальше Николка, не открывая глаз, перенесся в бухту Ягельную, прямо на пирс четвертой точки — военного городка подводников. Та же светлая летняя ночь. Тихо стуча на самых малых оборотах дизеля, усталая подлодка приближается к пирсу... «На пирсе тихо в час ночной».

Николка открыл глаза и посмотрел в окошко: судя по всему, Александра Николаевна записывала ноты. Закончив с нотами, вновь повернулась к роялю и проиграла-пропела уже всю песню: «На пирсе тихо в час ночной...»

Посмотрев на часы, Николка спохватился: времени дойти до дома, наскоро поесть и об-

ратным ходом в ДОФ оставалось в обрез. Песню, первым слушателем которой он был, исполнили по радио через пару недель. Пел известный певец.

* * *

Николай Андреянович переписал начисто откорректированную формулу изобретения. Остальное, то есть составление описания, было делом механическим, — на работе доделает, когда устанет чертить. Супруга, также доделавшая кухонные дела, то есть испекшая пирожков с капустой и картошкой, в чем была большой искусницей, шелкала пультом, переключая каналы телевизора: всюду скакали с воплями какие-то немыслимые уродливые рожи, здоровенные негритосы в голливудских боевиках взводами и ротами расстреливали белокожих полицейских и прочих законопослушных граждан. На одном канале вкрадчивый политдеятель с физиономией потомственного дегенерата убеждал в экономической мудрости партии (демократической) и правительства. Еще на одном экране усталый и разочарованный в жизни коммунистический лидер лениво отбивался от телеведущего с веселым именем Славик Шустрик, а на соседней кнопке пузатый и молодой генерал — рост метр пятьдесят, а с фуражкой и под все два — аргументированно доказывал, что именно он предназначен Богом и судьбой быть президентом крохотной сибирской республики — бывшего национального автономного района.

Генералом Николай Андреянович почему-то слегка заинтересовался, но того сменил осанистый поп в праздничной малиновой рясе, сообщивший, что-де России очень повезло с нынешним ее руководством: люди там собрались неистово верующие.

Николай Андреянович отдал пульт жене, мимоходом подумав: много каналов теперь на телевидении, да все какие-то кособокие, с воровским уклоном. Ушел на кухню и с возобновившимся аппетитом съел полную тарелку

пышущих жаром пирожков, предпочитая те, что с капустой. Затем вернулся в комнату и прилег на диван, отвернувшись от телевизора: на экране страшная образина в очках и видом напоминавшая типичную школьную завучиху вела популярную в этом сезоне игру «Как украсить миллион». Жена стала смотреть.

Полуприкрыв глаза, Николай Андреевич вернулся к теме, навешанной далеким воспоминанием. Справедливым будет отметить, что, в соответствии со всеми законами физиологии, открытыми на заре Советской власти академиком Павловым, с возрастом в части восприятия музыки с Николаем Андреевичем ничего не изменилось, то есть слушал он ее с удовольствием и правильно понимал, где музыка, а где малоосмысленный набор звуков. Со временем хорошо изучил классику, а так называемая «легкая музыка», то есть эстрада и все эти постоянно появляющиеся ВИА-группы, малопопулярные в стране до демократов западные «звезды» — это и само в уши лезло. А про последние десять лет ушедшего века и говорить нечего.

Телевизор выбросить в окно? Жена не позволит, ибо женщины, пенсионеры и дети уже наглоотались этого опиума — не оттянешь за уши, не перевоспитаешь.

Еще отметил Николай Андреевич, что на ТВ музыкальное неистовство почему-то нарастало к концу каждого года, особенно сейчас, в декабре: от Хануки до Байрама, далее до Рождества католического, а там уже и Рождество Христово православное...

Видно, супруга, еще в полной мере не отошедшая от горячечной суеты с печением пирожков, нажала на пульте не ту кнопку, потому телевизор взревел звуком и монотонным полуречитативом: «...В желтой подводной лодке мы живем, в лодке мы живем, в лодке мы живем». Упоминание про подлодку Николаю Андреевичу даже и понравилось бы, но желтый цвет он не любил, потому раздраженно порекомендовал супруге убавить звук. «А я думала, ты уже заснул», — наивно удивилась она, но звук убрала, заодно и канал переключила.

Николай Андреевич полагал себя консер-

ватором в самом здравом смысле слова. Отсюда и его твердые, никем не навязанные, самостоятельно выработанные на жизненном пути принципы, в том числе и в восприятии различных искусств — музыки и живописи в первую очередь. Проще всего дело обстояло с живописью — о ней Николай Андреевич рассуждал с римской прямолинейностью: если художник умеет рисовать, то он и изображает на своих полотнах людей такими, какие они есть в жизни, точно так же и животных, деревья, корабли. А если он малюет черные квадраты, кучи угадываемого с трудом дерьма, уродов непонятных, да все это нечетко, грубыми мазками, вместо кисти пользуется дворницкой метлой, а то и просто растопыренной пятерней — это вовсе не художник, а прохиндей, расчетливый делец от так называемого модернизма, кубизма и прочего футуризма. С музыкой же было сложнее, потому Николай Андреевич сосредоточился и постарался сделать для себя некие выводы. Он много раз пробовал собрать в этом вопросе воедино свои размышления, но сегодня вроде как расставил все точки над «i».

Почему в настоящее время сосуществуют музыка и та воинствующая дребедень, которую вернее всего называть антимузыкой? Более того, антимузыка в так называемом «цивилизованном мире» господствует полностью. Но разве это удивительно с позиций эволюционных? Возьмем самое разумное на Земле — человека. Разве до настоящего времени дошел человек, прошедший последовательно и строго все ступени эволюции homo sapiens?

Николай Андреевич хорошо учился в школе, а биология — особенно в части происхождения человека — входила в число любимых предметов. Именно поэтому спустя десятилетия он живо помнил картинки из школьного учебника, изображавшие дедушку человека — неандертальца и непосредственного отца его — кроманьонца. Помните, наверное, и вы: неандерталец — этаким увалень, что в народе зовут сибирским валенком, со здоровенной башкой, низким,

заросшим лобешником, с плоским затылком. А вот кроманьонец — почти уже человек, можно даже уточнить: восточный человек, юркий, подвижный, со смысленными верткими глазками, высоким, хотя и несколько покатым лбом, затылок — тыковкой. Словом, наш человек, только бедный очень, нет денег в цирюльню забежать да в магазин готового платья.

И действительно, приглядитесь со вниманием к окружающим вас и просто случайно встречным людям, всматривайтесь в мелькающие на экране телевизора лица заморские — вы придете к парадоксальному выводу: независимо от национальности, расы, степени пресловутой «цивилизованности», географического места проживания, словом, независимо ни от чего, все типажи делятся на две основные группы. В одной из них четко прослеживаются потомки неандертальцев, в другом, несомненно, кроманьонцев. Понятно, согласно законам генетики, как их ни перекрещивай, все одно нечто усредненное не получится.

Николай Андреевич вдохновенно детализировал свою теорию. Попробуйте проанализировать профессиональную принадлежность потомков неандертальцев и кроманьонцев. Получится весьма любопытная картина. К первым относятся (опять же независимо от национальности) по преимуществу уголовники-рецидивисты, профорги и парторги крупных предприятий, генералы и маршалы, ротные старшины, милиционеры-гаишники, завскладами и кладовщиками, шоферы-дальнобойщики, женщины-прокуроры, буфетчицы, продавщицы продовольственных магазинов, изобретатели вечных двигателей и прочие, то есть люди, обладающие гигантской волей, которая у них верховодит над разумом, который, конечно, у них также имеется, и эмоциями.

Ко вторым же по преимуществу относятся люди искусства, гуманитарии, ученые, рабочие со средним образованием, воры-карманники, инженеры, истеричные дамы, шулеры высокого полета, университетские преподаватели. Их отличительной чертой является,

как раз наоборот, преобладание разума и эмоций над волей, несколько ослабленной.

Раз заинтересовавшийся им же сделанным открытием, Николай Андреевич не поленился сходить в областную библиотеку, порылся в каталоге и взял для домашнего прочтения книгу по исторической антропологии. С восторгом вычитал он, что эпохи неандертальцев и кроманьонцев пересекались. Они сосуществовали в исторических и географических ареалах, но что взяло современное человечество от тех и от других — об этом ученые авторы книги ничего сказать не могли, мысленно разводили руками. Однако Николай Андреевич на этот вопрос ответ уже знал.

Попутно он существенно дополнил и френологическую теорию Чезаре Ломброзо. Об этой теории, не вдаваясь в обсуждение ее сути, неодобрительно отзывались в отечественных учебниках физиологии и солидных монографиях: дескать, если у человека низкий лоб и плоский затылок, то не совсем обязательно это преступный тип — может быть, даже и наоборот.

Николай Андреевич созвонился с давней своей знакомой — доцентом философии местного пединститута, у которой имелась роскошная наследственная библиотека, и уже на следующий день бережно переворачивал пожелтевшие страницы дореволюционного издания тома. Все правильно написал знаменитый психиатр и психопатолог, но не объяснил эволюционную причину наследственного разделения людей по их наклонностям, совпадающим со строением черепа. Николай Андреевич придал теории Ломброзо логическую завершенность.

...Итак, по планете рассеяны потомки неандертальцев и кроманьонцев. И смотря по тому, в ком преобладает генотип того или другого, формируется и индивидуальный характер с преобладанием воли или эмоциональной чувствительности, склонности и рефлексии, учености в том числе.

А какое отношение к музыке имеют эти биологические теории? А прямое, самоутверждался наш герой.

Вся история развития музыкального ис-

кусства от примитивных свистелок до высшего развития симфонизма есть совершенствование гармонического строя. Музыка Вагнера и венской школы, русская классическая опера XIX века, а под несомненным влиянием последней и феномен Грига — это вершина гармонической музыки. В России, то есть уже в СССР, в лице живого классика Свиридова гармоническая традиция в высшем ее развитии продолжилась почти до самого конца XX века.

Но с конца века девятнадцатого замечается внутри гармонического симфонизма постепенное усиление ритмики. В следующем веке ритмика уже торжествует, например, у Шостаковича, да и у Прокофьева тоже. Как положено, появился и теоретик ритмизма в музыке — Арнольд Шёнберг.

Этот самый Шёнберг подарил наступившему веку XX и всему человечеству додекафонию, то есть двенадцатитоновую музыкальную систему, полностью отвергавшую гармонию. С того времени вся западная классика молится на Шёнберга.

В легкой музыке в XX веке гармония и ритмика в приятном для слуха сочетании держалась достаточно долго. Передовым бойцом здесь оказался джаз. В умной советской стране были и дураки; к последним первоочередно следует отнести агитпроп и минкульт. Обладая они хоть средним умом, то не плевали бы на джаз, а заполнили джаз-бандами все эстрады от Бреста до Камчатки — по горизонтали, от Земли Франца-Иосифа до Кушки — по вертикали. (Это если размышлять, глядя на карту 1/6 суши Земли.)

Против искусного саксофона, аранжированного вспомогательными инструментами и мужественным, хорошо поставленным голосом, не устояли бы безголосые певцы и певички, отвратительно тренькающие электрогитары и вершина музыкального суррогата — синтезатор. Все-таки Россию губят даже не дороги (национальный транспорт России-СССР — танк грязи не боится!), но исключительно дураки. Про новейшие времена и говорить не приходится: построй всю страну от Земли Франца-Иосифа немецкими авто-

банами или штатовскими федеральными магистральями — уже ничего не изменишь.

С джазом или без джаза, но в СССР до его разрушения силами мирового зла гармония еще как-то сдерживала натиск ритма, но в остальном (западном) мире, как уже сформулировал ранее Николай Андреевич, смертельный удар по гармонии в популярной музыке нанесли жучковатые битлы. И понеслось!

Далее музыковед-любитель сделал основополагающий вывод: гармонию, адекватную самой эволюции человека разумного, к концу века и тысячелетия оттеснил голый ритм, присущий человеку на самых ранних ступенях его развития, а в наше время сохранившийся только у диких африканских племен. А вторгся он в современный мир через негритянскую музыку в США: отсюда и Шёнберг, отсюда и битлы (джаз не в счет).

Другой вопрос: естественный это процесс или кому-то очень нужно? Николай Андреевич склонялся ко второму, связывал это с одним из стратегических направлений деятельности сил мирового зла, кардинальная цель которого — превращение основной массы человечества в скотов с минимальными духовными потребностями, апологетов набитого желудка и кармана, которых интересует только эта самая жратва, койка, доступные бабы — и всё. Таким скотом крайне легко управлять, двигая в нужных направлениях. Мелкобуржуазная биомасса, и только.

И подобно тому, как человечество и ныне представлено потомками неандертальцев и кроманьонцев, так и в современной музыке сосуществуют воинствующий ритм дикарей и облагороженная веками и тысячелетиями гармония.

...Николай Андреевич таки вздремнул от умственного усилия, но его легонько тронула за плечо супруга:

— Рано еще, не засыпай, а то всю ночь ворочаться будешь. Съешь-ка еще пирожков.

Николай Андреевич повернулся лицом к комнате, с интересом посмотрел на тарелку с горькой пирожков, на свежезаваренный чай в личном стакане с подстаканником. Все это

супруга поставила рядом с диваном на низенький столик. Занялся делом. Поневоле смотрел и на экран телевизора. Все каналы крутили музыку. Сначала юная татарка из Бугульмы, дочь нефтяного короля тех мест, спела искусственно прерывистым слабеньким голоском невесту о чем. А вслед за ней вскочил этаким чертом некто лохматый, раздрыганный, в цыганской рубахе без опояски и звенящим голосом запел нечто двусмысленное: «...Каждый хочет любить: югославский солдат и английский матрос. Каждый хочет иметь и невесту, и друга».

Николай Андреянович легонько матюгнулся и потребовал переключить на другой канал, а там Боярский в своей знаменитой шляпе мелодично гнусил о зеленоглазом такси. На смену ему вышел голливудский мальчик Басков и спел про шарманку. Николай Андреянович поуспокоился, доел пирожки и принялся за чай, с удовольствием обнаружив в стакане и лимонный кружок.

Этой ночью ему приснился хороший сон из детства-юности на Севере. По тихой глади залива неторопливо шли крейсера и эсминцы,

которым почтительно уступали фарватер сухогрузы и рыбацкие сейнеры. Из упрятанных в расщелинах береговых скал губ-фьордов с дизельным стукотком выходили крутобокие подводные лодки. Во всех направлениях между островами сновали быстрые катера. Жизнь была ключом светлой полярной ночью. «На пирсе тихо в час ночной...»

Алексей Афанасьевич Яшин

родом из Заполярья (г. Полярный).

Выпускник Литературного института им. А. М. Горького.

*Главный редактор всероссийского
литературного журнала «Приокские зори»,*

*член правления Академии российской литературы,
лауреат международных, российских и белорусских
литературных премий.*

Член Союзов писателей СССР и России,

Беллитсоюза «Полоцкая ветвь».

Заслуженный деятель науки РФ,

*доктор технических наук, доктор биологических наук,
лауреат научных премий Комсомола и им. Н. И. Пирогова.*

